
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАО, ЛЕГИСТЫ И КОНФУЦИАНЦЫ

Л. С. Переломов

Тот факт, что острая политическая и идеологическая борьба, ведущая ныне в КНР, приняла форму всеобщего осуждения Конфуция, а также восхваления легизма¹, сановника Шан Яна, императоров Цинь Ши-хуана и У-ди, не является случайностью. Обращение к традициям прошлого не каприз. И общественные классы, и политики часто черпают в традициях уверенность не только в законности своего рождения, но и в праве на настоящее и будущее. Особенно ярко проявляется эта закономерность на переломе истории. «Люди сами делают свою историю,— писал К. Маркс,— но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого... И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»².

В Китае традиции играли и играют ту же роль, что и в других странах. В то же время они имеют и свои специфические черты: здесь значение их более глубоко, они вошли чрезвычайно прочно в жизнь народа на самых различных социальных уровнях, и к ним обращаются повседневно. Приверженность к традициям, к сложившимся нормам поведения, моральным и духовным ценностям, художественным образам давно стала одной из основных черт национального характера китайцев. Родилось это не сразу. Тому имеются определенные исторические причины, среди которых можно выделить возникновение в Китае императорской системы управления еще в III в. до н. э. и существование ее вплоть до начала XX в., культ предков, наличие конфуцианства как господствующей идеологии и системы «цзун цзу» (патронимическая система организации ячеек общества, основанных на кровном родстве). Эти компоненты активно функционировали на протяжении более двух тысяч лет. Они внедряли чувство особого уважения к традициям и подчинения им, необходимость ориентироваться во всех случаях жизни на традиции. На уровне обыденного сознания и в сфере политического мышления традиционный подход к делам не исчез и в XX в., особенно среди крестьянства, составляющего более 90% населения страны.

А рабочий класс Китая в начале XX в. не составлял и 1% населения. То была экономически и политически отсталая, полуфеодалная, полукOLONиальная страна с достаточно устойчивым комплексом традиционных стереотипов поведения населения. В. И. Ленин указывал: «Чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое зем-

¹ См. о легизме: Л. С. Переломов. Становление императорской системы в Китае. «Вопросы истории», 1973, № 5.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 119.

ледельческое производство, патриархальность и захолустьность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности»³. Огромную роль в жизни Китая сыграла народная революция 1949 года. Но для малограмотного в своей массе крестьянства с его рутинной техникой прошедший с тех пор срок — сравнительно небольшой. Традиционные нормы жизни заколебались, но еще не исчезли. Сохранялись культ предков, подчеркнутое уважение к старшим, ориентация на родственный коллектив, за которым остается последнее слово при решении многих важных вопросов, пережитки былого отчуждения народа от властей. Умышленно спекулируя на привязанности крестьянства и мелкобуржуазных городских слоев к отечественной традиции, на их «национальной ограниченности», Мао Цзэ-дун оснастил свою теорию концепциями, примерами, мифическими, историческими и литературными героями старого Китая⁴, противопоставляя это, когда явно, а когда и скрытно, всему некитайскому, европейскому, затем советскому. Подобная трактовка «древности» была вполне доступна пониманию части «ганьбу» (кадровых работников) и военных, подавляющее большинство которых сами были ранее крестьянами либо происходили из крестьянских семей. Такой подход импонировал и той части руководства КПК из маоистского окружения, большинство которой составляли выходцы из мелкобуржуазных слоев города.

Поскольку действующий ныне в КНР военно-бюрократический режим типологически сближается в некоторых аспектах с императорской системой старого Китая, маоисты намеренно возрождают испытанные учреждения, связанные с укреплением режима личной власти. Особенно активное наступление на социалистические завоевания в политической области наблюдаются в сфере надстройки. Маоистская концепция «гу вэй цзинь юн» («использовать древность ради современности»), официально возрожденная в 1971—1972 гг., функционирует сейчас в качестве одного из направляющих элементов политической жизни КНР и КПК. В то же время не следует забывать, что и антимаоистские силы тоже обращаются к «древности», пытаясь путем ее переоценки высказать свое мнение о насущных проблемах КНР. Такова специфика политического мышления, политической культуры руководства КПК, и с этим приходится считаться. В условиях господства военно-бюрократической группы Мао обращение к традициям стало практически единственно возможной формой обсуждения на страницах печати насущных проблем политической жизни, методов партийного и государственного руководства. Заметим, что к этому традиционному методу обращались также китайские коммунисты-интернационалисты, например, еще до периода «культурной революции», когда необходимо было нанести удар в открытой печати по культу Мао. В этом отношении весьма характерна брошюра Чжоу Юань-бина «О скромности и высокомерии», опубликованная в Китае в 1956 году. Весьма показательна, что только за первые семь месяцев брошюра переиздавалась семь раз и была отпечатана общим тиражом в 610 тыс. экземпляров. Она носила четко выраженную антикультуловскую направленность. Обильно цитируя высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, М. И. Калинина, С. М. Кирова и Мао Цзэ-дуна, автор показывал, каким должен быть руководитель партии и народа: скромным, принципиальным, свободным от зазнайства и разнузданного самодовольства. Цитаты были подобраны умело, а некоторые использовались в тексте с прозрачным намеком

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 168.

⁴ Текстологический анализ четырехтомных «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна показал, что 47% ссылок касается «древности» (см. М. Алтайский, В. Георгиев. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. М. 1969, стр. 51).

на Мао. Приводя обширную выдержку из выступления С. М. Кирова, в котором тот призывал решительно бороться против нарушения ленинских норм партийной жизни, Чжоу Юань-бин выделял следующее место: «У нас в большевистской практике никогда не было слишком гладеньких отношений. Мы умеем задирать себя против шерсти... Закрывать глаза на недостатки ни в коем случае нельзя... Надо по-честному, по-большевистски, прямо глядя в товарищеские, коммунистические очи, сказать: «Ты, милый человек, запоролся, запутался. Если ты сам не поднимешься, я тебе помогу. Если нельзя за руку поднять, за волосы подниму. Я сделаю все, чтобы тебя исправить, но если ты, милый человек, не справишься, то пеняй на себя, тебе придется посторониться»⁵. Брошюра была рассчитана на массового читателя и написана простым, доходчивым языком, но ее автор тоже не смог обойтись без «древности»: «Если руководители революционного движения безмерно зазнались, зачванились, если их уши не слышат голоса масс, а сердца не беспокоятся об интересах народа, то такие люди могут в конце концов надоесть народным массам и даже вызвать ненависть со стороны народа. Тогда они определенно похоронят дело революции, а также похоронят и самих себя»⁶. Данное положение автор подкреплял типично китайским аргументом, ссылаясь на трансформацию, происшедшую с руководителями крестьянских восстаний в XVII в. (Ли Цзы-чен, Нью Цзинь-син) и в XIX в. (вожди тайпинов Хун Сю-цюань, Фын Юнь-шань), которые вначале были близки народу, а потом предали его интересы⁷.

С примерами из средневековой истории страны противники линии Мао пытались выступить против пресловутого «большого скачка» в конце 50-х годов. Достаточно напомнить о пьесах заместителя мэра г. Пекина У Ханя, написанных в 1959—1961 гг.: «Хай Жуй ругает императора» и «Разжалование Хай Жуя». Напоминание о конфликте между гуманным конфуцианским чиновником Хай Жуем, жившим около 400 лет тому назад, и оторвавшимся от народа императором, одобрительно воспринятое зрителем, вызвало гнев Мао. В статье Гуань Фына и Линь Цзе, опубликованной в 1966 г. в журнале «Хунци», а затем в историческом органе «Лиши яньцзю», говорилось, что пьеса «Хай Жуй ругает императора» не случайно написана и опубликована накануне Лушаньского пленума (лето 1959 г.), когда все «правые оппортунисты» и некоторые «антипартийные элементы» в ЦК КПК выступили с резкой критикой итогов «большого скачка» и «называли себя Хай Жуями». Вскоре после пленума, когда часть «антипартийных деятелей» сместили с их постов, У Хань опубликовал в 1961 г. драму «Разжалование Хай Жуя». Критикуя императора, Хай Жуй говорил ему: «Раньше ты еще делал кое-что хорошее, а что ты делаешь теперь? Исправь ошибки, дай народу жить в счастье. Ты совершил слишком много ошибок, а считаешь, что во всем прав, и потому отвергаешь критику»⁸. В то время многие усматривали в пьесе прямой намек на расправу Мао с известным военачальником Пэн Дэ-хуае, выступившим с резкой критикой «большого скачка». Пьеса в разных редакциях ставилась в течение нескольких лет в ряде театров страны⁹. Мао решил расправиться с У Ханем и его сторонниками. На рабочем совещании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в октябре 1965 г. он потребовал развернуть полити-

⁵ С. М. Киров. Избранные статьи и речи. 1918—1934. М. 1944, стр. 103; см. также Чжоу Юань-бин. О скромности и высокомерии. М. 1958, стр. 35.

⁶ Чжоу Юань-бин. Указ. соч., стр. 10.

⁷ Там же, стр. 11.

⁸ Цит. по: «Новейшая история Китая». М. 1972, стр. 335.

⁹ Организаторы «культурной революции» впоследствии открыто заявили, что рассматривали пьесу У Ханя как прямой намек на смещение Пэн Дэ-хуа после Лушаньского пленума, как попытку реабилитировать исключенных из партии «правых» и их сторонников («Новейшая история Китая», стр. 335).

ческую кампанию против У Ханя. Но тогда призыв этот не был поддержан, ибо оппоненты понимали, что он означал бы поход против руководящих органов партии. Удалившись в Шанхай, Мао продиктовал Яо Вэнь-юаню (ныне член Политбюро ЦК КПК) текст статьи «О новой исторической драме «Разжалование Хай Жуя». Как известно, именно эта статья послужила прологом «культурной революции».

Материалы проходящей ныне кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» свидетельствуют, что противники Мао продолжали борьбу и после «культурной революции», опять-таки ведя ее в традиционной форме обращения к «древности». В этом отношении характерна статья Юй Фаня, опубликованная в журнале «Хунци», где впервые говорится о содержании записок Линь Бяо, составленных им после IX съезда КПК в 1969 г. и до второго пленума ЦК КПК девятого созыва в 1970 году¹⁰. Если верить автору статьи, то главным в «черных записях» Линь Бяо была пропаганда конфуцианского принципа «кэцзи фули» («преодолеть себя и восстановить старые порядки») ¹¹. Под «старыми порядками» подразумевалось восстановление теории и практики строительства социализма в первые годы КНР, нашедшее свое воплощение в решениях VIII съезда КПК (15—27 сентября 1956 г.). Линь Бяо и его сторонники написали на многих свитках это конфуцианское положение и дарили их друг другу, преследуя цель по примеру Конфуция «восстановить погибшие царства, возродить прерванные роды, вновь выдвинуть на должности отстраненный люд» ¹². Линь Бяо призывал придерживаться конфуцианского принципа «чжун юн» («принцип середины»), бороться против «левого» и правого уклонов, сплачивать большинство, которое занимает неясную позицию, разлагать косвенных союзников ¹³. По-видимому, тогда намечалась определенная программа практической деятельности, временно прикрывавшаяся конфуцианскими положениями.

Судя по тому накалу злости, с которой «Хунци» нападала на Линь Бяо, программа была довольно обширной: «На взгляд Линь Бяо и его компании, вести социалистическую революцию — это и есть «ультралевачество», идущее вразрез с «принципом середины» старикана Конфуция, против которого надо всячески бороться. Это можно ясно видеть в черной записке антипартийной группировки Линь Бяо и ее «Тезисах об объекте 571». Они нападали на социалистический строй и диктатуру пролетариата в нашей стране, на политические движения за критику буржуазии и ее агентов, на генеральную линию, большой скачок и народную коммуну и проклинали принципиальную борьбу нашей партии за отстаивание марксизма-ленинизма и против современного ревизионизма. Тут Линь Бяо и компания пели в унисон с империалистами, ревизионистами и реакционерами за рубежом и помещиками, кулаками, контрреволюционерами, вредными правыми элементами внутри страны, нападавшими в свое время на нашу партию, а также в унисон с реакционным абсурдом Пэн Дэ-хуая, обрушившегося с бешеными нападениями на партию на Лушаньском совещании. Главный объект, на который нападали Линь Бяо и компания как на «ультралевое идейное течение», — великая пролетарская культурная революция. Они утверждали, что эта революция привела якобы к «путанице» и «хаосу» в стране, изображали в самом скверном виде всякую новь, появлявшуюся в ходе культурной революции, бешено угнетали и душили ее. В этом отразились их люта я ненависть, крайний страх и предсмертные потуги перед лицом данной революции. Линь Бяо и ему подобные являются подлыми изменниками пролетарской революции и диктатуры пролетариата, реакционерами, за-

¹⁰ Юй Ф а н ь. Провал контрреволюционной тактики Линь Бяо. «Хунци», 1974, № 5.

¹¹ Там же, стр. 20.

¹² Там же.

¹³ Там же.

щищавшими все феодальное, капиталистическое и ревизионистское старье и пытавшимися повернуть вспять колесо истории¹⁴. Приведенная выдержка свидетельствует прежде всего о том, что в самом руководстве КПК существовали взгляды, диаметрально противоположные позиции Мао и его группы, и выражал их, видимо, не один Линь Бяо. Не случайно различные обвинения в его адрес до сих пор пестрят на страницах китайских газет и журналов, переключивая из статьи в статью на протяжении последних двух лет со времени начала кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

Еще в конце 1969 г., то есть за три года до официального начала кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» («Хунци», 1972, № 12), противники Мао обратились за поддержкой к «древности», используя отдельные конфуцианские положения для осуждения «линии Мао». Уже в то время проводилась параллель между деятельностью маоистов в период «культурной революции» и террором императора Цинь Ши-хуана по отношению к его идеологическим противникам, когда 460 конфуцианцев в 212 г. до н. э. были заживо закопаны в землю. Если считать, что ставший ныне обвинительным актом против Линь Бяо документ «Тезисы об объекте 571», о котором говорил Чжоу Энь-лай на X съезде КПК, является подлинным и не сфабрикован, то обращает на себя внимание характеристика, которую дал там Линь Бяо Мао Цзэ-дуну, назвав его величайшим феодальным императором-тираном, применяющим методы Цинь Ши-хуана и следующим под вывеской марксизма-ленинизма по пути Конфуция и Мэн-цзы.

Мао Цзэ-дун начал готовиться к ответному удару, используя традиционную форму борьбы, но внеся в нее собственную трактовку «древности», чтобы можно было использовать ее для достижения собственных целей. Анализ материалов кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» свидетельствует о том, что Мао тщательно готовился к ней, использовал весь свой богатый опыт закулисной внутрипартийной борьбы, и возлагал на нее большие надежды. Кампания охватила широкий круг проблем, связанных с государственным строительством, экономикой, кадровой политикой, идеологией, внешней политикой. Все слои населения, включая школьников, вовлечены в эту кампанию, длящуюся уже около двух лет. Кампания эта многоплановая и многослойная. Она преследует сразу несколько целей, стратегических и тактических.

Можно выделить три стратегические цели, которые преследовал Мао, готовя кампанию. Прежде всего заставить народ уверовать в непогрешимость идей Мао, в то, что его учение отвечает потребностям экономического и политического развития страны как в настоящем время, так и в будущем. Через всю кампанию (начиная с «Хунци», 1972, № 12, — первая статья Ян Юн-го¹⁵ и кончая материалами более новыми¹⁶) красной нитью проходит идея правильности маоистской «революционной линии». Не случайно как организаторы, так и участники кампании подчеркивают ее идеологический характер. Шэнь Го-сян, редактор крупнейшей в Шанхае ежедневной газеты, разъясняя американскому журналисту С. Сульцбергеру осенью 1973 г. во время его визита в КНР смысл кампании, заявил: «Мы считаем, что буржуазные агенты в нашей партии будут использовать конфуцианство в борьбе против нашей идеологии, и поэтому мы будем продолжать его критиковать...

¹⁴ Там же, стр. 21—22.

¹⁵ Ян Юн-го. Борьба двух линий в идеологии периода Чуньцю—Чжаньго (О социальных сдвигах периода Чуньцю—Чжаньго на основании полемики конфуцианцев с легистами). «Хунци», 1972, № 12, стр. 45—54.

¹⁶ Передовая статья «Внимание к подведению итогов». «Хунци», 1974, № 4, стр. 5—8; Ло Сы-дун. О классовой борьбе в период между династиями Цинь и Хань. «Хунци», 1974, № 8, стр. 16—26; передовая статья «Вперед по пути социализма». «Хунци», 1974, № 10, стр. 5—7; доклады Чжоу Энь-лая и Чжан Чунь-цяо на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей КНР четвертого созыва 13 января 1975 года.

Идеологическая борьба будет долгой и длительной. Такой же долгой и длительной будет критика Конфуция»¹⁷. Одновременно указывается, что кампания «критики Конфуция» является «новым идейным оружием для строительства нового Китая»¹⁸. В общей передовой статье газеты «Жэньминь жибао», журнала «Хунци» и газеты «Цзефан цзюньбао» от 1 января 1974 г. отмечалось: «Нужно дальше критиковать идеи почитания конфуцианства и борьбы против легистов и в ходе этой критики выковырять ряды теоретиков-марксистов. Составной частью критики Линь Бяо является критика конфуцианства, которое почитают как реакционеры в стране и за рубежом, так и главари оппортунистических линий»¹⁹. Наконец, в передовой статье «Хунци» (1974, № 4), где официально подводились итоги первых этапов кампании, говорилось: «Движение критики Линь Бяо и Конфуция является революцией в области надстройки, политической и идеологической борьбой за отстаивание марксизма против ревизионизма»²⁰. Под «марксизмом» имелся в виду маоизм.

Вторая стратегическая цель — создать новую концепцию «национальной судьбы» Китая, провести переоценку духовных ценностей нации и на этой базе сформировать человека, свободного от пут прошлого и активного носителя идей Мао. Именно поэтому осуществляется фронтальная атака на ту часть духовного и исторического наследия, на те лучшие, прогрессивные традиции китайского народа, которые можно было бы в настоящее время или в будущем использовать для ниспровержения маоизма, основываясь, в частности, и на национальной почве. Происходит умышленное осовременивание исторических процессов и политических теорий древности. При этом невыгодные маоистам положения замалчиваются или искажаются, а исторические факты фальсифицируются.

Третья стратегическая цель — увековечение культа Мао, подведение под него более широкой теоретической базы на националистической основе. Одновременно кампания должна была решить ряд тактических задач: оправдать «культурную революцию», усилить «левых» за счет ослабления «прагматиков», продолжать держать народ в состоянии крайнего напряжения, подорвать позиции некоторых крупных военачальников на местах и не в последнюю очередь разжечь антисоветизм. Мао решил расширить рамки «древности», используя в качестве теоретической платформы не только переоценку Конфуция и конфуцианства, но и качественно новую оценку легизма, и сосредоточить внимание на полемике легистов и конфуцианцев. Кампании был придан общенациональный характер. Если в период «культурной революции» маоисты делали ставку на молодежь, то теперь Мао решил опереться на широкие народные массы, благо они не имели ясного представления о конфуцианских политических доктринах и тем более легистских концепциях. Поэтому можно было навязать оценку, выгодную маоистам. Мао решил связать свою политическую линию с легистской, выдав себя в глазах широких народных масс продолжателем дела легистов.

В традиционной китайской историографии, историографии конфуцианской, легизм и император Цинь Ши-хуан представлены в черном свете. Широким народным массам легизм был неизвестен. В лучшем случае часть народа знала, что Цинь Ши-хуан являлся олицетворением зла (конфуцианцы не могли простить императору, в частности, сожжение конфуцианских книг и расправу над их единомышленниками); эта же оценка распространялась на легистское учение в целом. Антилегистская политика конфуцианской бюрократии, планомерно проводимая со II в. до н. э. до XIX в. н. э., сделала свое дело. Многие плодотворные

¹⁷ «The New York Times», 21.X.1973.

¹⁸ «Асахи», 22.XII.1973.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 1.I.1974.

²⁰ Передовая статья «Внимание к подведению итогов». «Хунци», 1974, № 4, стр. 7.

идеи легистов приняли конфуцианскую окраску, другие легистские концепции были просто забыты. На поверхности фигурировали лишь жесткие деяния легистских правителей. На протяжении более двух тысяч лет бюрократия внушала китайскому народу чувство ненависти к адепту легизма Шан Яну (390—338 гг. до н. э.), якобы уничтожившему систему «цзин тянь» — равновеликих полей, воспевавшуюся последователем Конфуция Мэн-цзы. В действительности ко времени реформ Шан Яна, проведенных в царстве Цинь, никаких равновеликих полей давно уже не существовало. Шан Ян лишь узаконил частную собственность, признав тем самым существование имущественной дифференциации в общине. Это подтверждали не только древние, но и средневековые авторы²¹. Однако обвинение продолжало функционировать, ибо слишком выигрышно было представить теоретика легизма врагом крестьянства, издревле мечтавшего о справедливом переделе земли.

Знаменательно, что буржуазное китаеведение восприняло традиционную эстафету китайской бюрократии, сознательно гиперболизировавшей масштабы творческой роли конфуцианства и принижавшей легизм до уровня второстепенного учения. В буржуазной синологии до сих пор продолжает господствовать мнение о полностью определяющем влиянии конфуцианского учения не только на духовную жизнь общества, но и на развитие китайской государственности. Несомненно, конфуцианство внесло вклад в формирование норм духовной жизни, а также в функционирование императорской системы: превращение бюрократии в элиту общества; наделение чиновничества правом критики поступков императора, сошедшего с пути, predeterminedного Конфуцием (концепция «воли Неба»); дальновидная ставка на прочность патронимических связей, охраняемых с помощью конфуцианских принципов. Однако значение этого вклада переоценивается, ибо все заслуги приписываются конфуцианцам. Отдельные буржуазные синологи столь глубоко уверовали в могущество конфуцианства, выполнявшего подчас функции официальной религии, что даже объясняют самое возникновение и стойкость таких социальных ячеек, как род и большая семья, непосредственным влиянием конфуцианства²². Поскольку многие из этих авторов не усматривают разницы между обществом и государством, это не могло не привести в их сочинениях к гиперболизированной «конфуцианизации» Китая. Именно исходя из этой посылки, многие западные китаеведы доказывают «единственно определяющее» воздействие конфуцианской идеологии на формирование традиционного бюрократического государства²³. Легизму же в лучшем случае отводится ими вспомогательная роль, причем на узком и второстепенном направлении общественной жизни. Даже те немногие буржуазные ученые, которые сами выступают против чрезмерной «конфуцианизации» китайской истории и призывают рассматривать легизм как широкое политическое учение, сыгравшее значительную роль в формировании бюрократического государства, все еще не могут полностью освободиться от конфуциомании. Именно этим объясняется предложение американского китаеведа Ч. Хакера заменить термины «легизм» и «конфуцианство» такими понятиями, как «суровое конфуцианство» и «гуманное конфуцианство»²⁴.

Что же действительно дал легизм Китаю? Каков его вклад в развитие китайской государственности? Перечислим наиболее существенные легистские концепции и институты: государственное регулирование эко-

²¹ См. подробнее: Л. С. Переломов. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае. М. 1962, стр. 85—94.

²² Н. McAlvey. The Modern History of China. L. 1967, p. 6.

²³ Этой точки зрения придерживаются Э. Балаш, Цянь Дуань-шен, Дж. Р. Ливенсон, Де Бари, Дж. Фербенк и др.

²⁴ Ch. O. Hucker. Confucianism and the Chinese Censorial System. «Confucianism in Action». Stanford. 1955, pp. 183—184.

номических процессов в стране; формирование института бюрократии; система круговой поруки и круговой ответственности в народе за преступления, налоги и пр.; институт рангов знатности; законодательная система; равные возможности; личная ответственность чиновника; унификация мышления народа; институт цензорского надзора. Вот далеко не полный вклад легизма в теорию и практику государственного строительства в Китае. Это учение создало ряд несущих конструкций. Если их изъять, рухнет понятие о всей традиционной императорско-бюрократической системе управления.

В первые годы существования КНР в научной литературе была дана в целом правильная оценка отдельных концепций и практической деятельности творцов и сторонников легизма — Шан Яна, Хань Фэй-цзы, Цинь Ши-хуана²⁵. Правда, развернутого исследования о роли легизма в истории страны еще не было создано. Историки делали здесь лишь первые шаги. Однако даже эти небольшие достижения не стали известны широким массам читателей и не оказали влияния на их обыденное сознание. Выходя на научно не решенную проблему и вынося оценку легизма и Цинь Ши-хуана на суд широкой общественности, Мао отнюдь не стремился теперь к восстановлению истины. Он подошел к легизму чисто прагматически: на реабилитации легизма и облика Цинь Ши-хуана можно было нажать определенный политический капитал, тем более что Мао (вначале полуофициально, а по мере развертывания кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» открыто) поставил знак равенства между легизмом и своим учением. Мы вновь сталкиваемся с излюбленным приемом Мао: в первые годы своей деятельности он активно паразитировал на марксизме, а на склоне лет перешел к легизму. Для националиста популяризация легизма чрезвычайно выигрышна, ибо это — учение чисто китайское. С конфуцианством же дело обстояло проще. Необходимо было опорочить те доктрины Конфуция, которые мешали маоизму. Для этой цели учение Конфуция следовало социологизировать, незаметно подменив высказывания самого Конфуция конфуцианством, а это явления разного порядка. Конфуцианство в том виде, в каком оно господствовало, став с начала нашей эры официальной идеологией Китая, было в целом учением реакционным и, несомненно, заслуживало осуждения. Оно существенно отличалось уже от того, что говорил в свое время Конфуций.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» была задумана в несколько этапов. На первом должны были поработать специалисты — историки и философы, чтобы на конкретном материале обосновать правильность новой концепции, подвести под нее теоретическую базу и увязать ее с современностью, то есть с теми задачами, которые возлагал на кампанию Мао. Первый этап начался теоретическими статьями президента АН КНР Го Мо-жо и проф. Ян Юн-го (Ян Жун-го): «Проблема периодизации древней истории Китая»²⁶; «Борьба двух линий в идеологии периода Чуньцю — Чжаньго (О социальных сдвигах периода Чуньцю — Чжаньго на основании полемики конфуцианцев с легистами)»²⁷; «Конфуций — идеолог, упорно стоявший за рабовладельческий строй»²⁸; «Борьба материализма с трансцендентальным идеализмом в период государства обеих династий Хань»²⁹. В этих статьях было сформулировано теоретическое обоснование и намечены главные направления кампании.

Как пишут Го Мо-жо и Ян Юн-го, в период Чуньцю — Чжаньго

²⁵ Ян Куань. История Сражающихся царств. Шанхай. 1957; его же. Цинь Ши-хуан. Шанхай. 1957, и др.

²⁶ «Хунци», 1972, № 7.

²⁷ «Хунци», 1972, № 12.

²⁸ «Жэньминь жибао», 7.VIII.1973.

²⁹ «Жэньминь жибао», 13.VIII.1973.

(VII—III вв. до н. э.) в Китае произошел переход от рабовладельческой формации к феодальной. Процесс этот сопровождался острой идеологической борьбой. «В те времена,— отмечает Ян,— идеологическим представителем обреченного класса рабовладельцев была группировка конфуцианской школы — Конфуций, Цзы Сы и Мэн-цзы. А идеологическим представителем нового класса, помещиков, была легистская школа в лице Шан Яна, Хань Фэя и других... На примере идеологической борьбы конфуцианцев и легистов можно увидеть грандиозные социальные реформы того времени. Можно увидеть, кто способствовал развитию нового строя, а кто стремился защитить старый строй; чье учение соответствовало историческому развитию и служило новому классу, а чье тянуло его назад»³⁰. Автор обрушился с критикой на конфуцианские концепции «человеколюбия», «почитания родителей и старших братьев», «справедливости», поскольку все они «сводились к защите господства рабовладельческой знати»³¹. Одновременно Ян Юн-го всячески восхвалял легистов: Шан Ян выступал против пропагандируемых конфуцианцами этикета и музыки, присущих древнему рабовладельческому строю, считая то и другое «данью разврату и праздности», которые ведут человека на кривую дорогу ереси; выступал он также против «человеколюбия», о котором в целях сохранения рабовладельческого господства разглагольствовали конфуцианцы. Он указывал, что оно «является матерью всех ошибок и проступков... И не случайно, ибо все эти пропагандировавшиеся конфуцианцами так называемые «человеколюбие и долг», «почитание родителей и старших братьев», «искренность и верность», а также изучение «Шицзина» и «Шуцзина» сводились к защите господства рабовладельческой знати. Он считал, что в ту эпоху подобная пропаганда таила в себе крайне великие порок и зло, являлась тем камнем преткновения, который поворачивал колесницу истории вспять»; исходя из этого положения, Ян Юн-го оправдывает Цинь Ши-хуана, приказавшего заживо закопать конфуцианцев и публично сжечь гуманитарную литературу: «Его деяния соответствовали требованию эпохи, он шел вперед по пути, проложенному легистами»³².

Уже в первой статье чувствовалась попытка оправдания эксцессов «культурной революции». В последующих статьях Ян Юн-го ощущались нападки на ту часть китайского руководства, которая была в чем-то несогласна с линией Мао³³. Противник прямо не назывался (как не назван он до сих пор). Западные политические наблюдатели стали писать о судьбе Чжоу Энь-лая, полагая, что именно он выступает в образе критикуемого «левыми» Конфуция. Мнение это основывалось на совпадении фамильного иероглифа премьер-министра КНР с иероглифом Чжоуской династии, государственные институты и порядки которой хотел восстановить Конфуций, а также на упреке Конфуцию за его попытки «восстановить погибшие царства, возродить прерванные роды, вновь выдвинуть на должности отстраненный люд»³⁴, что было истолковано как критика в адрес Чжоу Энь-лая и его сторонников, вернувших своими усилиями к жизни живые трупы — жертвы «культурной революции». Так, Л. Гудстадт в статье «Китай: старая дискуссия о Конфуции» писал: «Некоторые полагают, что нападки на Конфуция — это часть «секретной кампании» против премьер-министра Чжоу Энь-лая; что китайский премьер попал в весьма затруднительное поло-

³⁰ «Хунци», 1972, № 12, стр. 46.

³¹ Там же, стр. 49.

³² Там же, стр. 54.

³³ Подробнее см.: Л. С. Переломов. О политической кампании «критики Конфуция и Линь Бяо». «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2; Р. В. Вяткин. Некоторые вопросы истории общества и культуры Китая и кампания «критики конфуцианства» в КНР. «Народы Азии и Африки», 1974, № 4.

³⁴ «Жэньминь жибао», 7.VIII.1973.

жение, поддержав возврат на руководящие посты видных деятелей, опозоренных культурной революцией»; задавая вопрос: «Чья же невидимая рука направляет эту кампанию?», — Л. Гудстадт отвечает: «Весьма вероятно, что сам Мао Цзэ-дун направляет перо, которое она держит»³⁵.

Еще раньше Бладуорт в статье «Противоборство Мао с Чжоу Энь-лаем лишает Китай твердого руководства» указывал на то, что «положение в партии свидетельствует о продолжающемся разобщении». Он считал при этом, однако, что «тайный конфликт, противопоставляющий левых маоистов умеренным и большинству военных, является скорее торгом, чем суровым противоборством». Согласно Бладуорту, «умеренные и командующие армией на периферии, поддерживающие премьера, склонны рассматривать группу вокруг Мао как опасную клику экстремистов, побудивших подростков-хунвэйбинов узурпировать их власть во время «культурной революции»; поэтому группировка Чжоу Энь-лая «предпочла бы, чтобы съезды были созваны после смерти Мао, когда ослабленных маоистов можно было бы безнаказанно обуздать». Уже на первом этапе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», которая вначале называлась кампанией «против возвышения конфуцианства и в защиту легизма», многие отмечали, что «такого рода кампании обычно бывают направлены против людей, стоящих у власти, а не просто против мертвых и дискредитированных»³⁶. Такое мнение было характерно для всех без исключения статей и обзоров западной прессы о положении в Китае.

За статьями Ян Юн-го последовала серия статей, в которых подробно рассматривались отдельные легистские концепции, реформы Шан Яна, деятельность Цинь Ши-хуана и велась активная атака на Конфуция³⁷. В массы внедрялась идея об исторически прогрессивном характере легистских концепций, а также преобразований Шан Яна и Цинь Ши-хуана. Многое здесь соответствовало действительности и не расходилось с той оценкой, которая была дана этим явлениям в научной литературе первых лет существования КНР. Но зато наглядно присутствовала, активно проводилась идея оправдания жестокостей легистов. Именно эта их «заслуга» ставилась на первое место и всячески восхвалялась³⁸. Одновременно продолжались скрытые нападки на «прагматиков»³⁹ и командующих военными округами (последних критиковали за регионализм). Для сторонников маоистской государственной системы очень удобна критика ранних конфуцианцев, которые действительно выступали против чрезмерной концентрации власти в руках Цинь Ши-хуана. В центральной печати появилась серия статей, в которых конфуцианцев обвиняли в поддержке местных правителей⁴⁰; в том, что, «используя отжившее идеологическое оружие группировки Конфуция и

³⁵ «Far Eastern Economic Review», 19.IX.1973.

³⁶ «The Washington Post», 3.XII.1973.

³⁷ Ши Дэ-фу, Чэнь Чжань-ань. Шел ли Конфуций в авангарде нового потока своей эпохи? «Гуанмин жибао», 11.IX.1973; Юй Бинь. Исторический смысл объединения китайской письменности Цинь Ши-хуаном. «Гуанмин жибао», 25.IX.1973; Тан Сяо-вэнь. Был ли Конфуций «наставником всего народа»? «Жэньминь жибао», 23.IX.1973; Творческая группа Шэньсийского высшего педагогического училища. Цинь Ши-хуан — политический деятель, нанесший решительный удар по возрождающимся рабовладельцам. «Жэньминь жибао», 31.X.1973, и др.

³⁸ Ши Дин. Спор о сожжении книг и закапывании конфуцианцев. «Жэньминь жибао», 28.IX.1973; У Тай. Как правильно разобраться в «сожжении книг и закапывании конфуцианцев» императором Цинь Ши-хуаном. «Гуанмин жибао», 29.X.1973.

³⁹ Например, в одной из статей, опубликованных без подписи, критиковался некий Лу Шэн, втершийся в доверие к Цинь Ши-хуану и уговаривавший императора «уйти на покой и передать бразды правления своему окружению», состоявшему, по словам автора, из одних конфуцианцев («Гуанмин жибао», 29.X.1973).

⁴⁰ Ши Лунь. Суждения на тему почитания Конфуция и борьбы с легизмом. «Гуанмин жибао», 7.X.1973; Ло Сы-дин. Борьба за реставрацию и против реставрации в процессе становления династии Цинь. «Хунци», 1973, № 11, и др.

Мэн-цзы и стремясь с помощью древности отрицать современность», они грубо порицали и отвергали политические акции Цинь Ши-хуана, направленные на укрепление единой феодальной власти, на защиту интересов нового, помещичьего класса в духе последовательного осуществления легистской политической доктрины⁴¹. При этом недвусмысленно указывалось, что данная проблема «имеет важное и актуальное значение для более углубленного развертывания критики Линь Бяо» и «исправления стиля»⁴². А в конце декабря 1973 г. последовала крупная политическая акция, первая подобного рода в истории КНР, когда одновременно были перемещены со своих постов восемь командующих военными округами. Таковы были первые практические результаты кампании, начавшейся в 1972 году.

В конце 1973 — начале 1974 г. Мао постепенно изменил характер кампании, введя в качестве основных критиков Конфуция и восхваления легистов широкие народные массы. Сам он держался в тени. В печати открыто нигде не сообщалось о том, кто руководит кампанией. Для народных масс были выработаны специальные программы, по которым следует вести критику. Так, согласно программе курсов Пекинской фабрики художественных изделий, ее работникам рекомендовалось подвергнуть критической оценке следующие положения: 1. Желание Конфуция «восстановить погибшие (рабовладельческие) царства, возобновить наследственные фамилии знати, вновь выдвинуть на должность разжалованных старых дворян» и лозунг Линь Бяо «реабилитировать всех без исключения свергнутых помещиков, кулаков, контрреволюционеров, вредных и правых элементов»; 2. «Согласие идей», в увязке с абсурдным положением Конфуция «не навязывай другим того, чего сам не хочешь»; 3. «Гуманное управление» у Конфуция и Мэн-цзы с тем, чтобы дать отпор Линь Бяо, который, нападая на императора Цинь Ши-хуана, «яростно выступал против диктатуры пролетариата»; 4. Конфуций нес вздор, что «кто хорошо успевает в учебе, тому обеспечивается служебная карьера»; 5. «Линь Бяо говорил чепуху, что направление молодой интеллигенции на работу в деревню равносильно видоизмененному каторжному труду»; 6. «Провиденциализм» Конфуция и теория Линь Бяо о «гениях».

В других известных нам программах, распространявшихся в конце января 1974 г., делался уже больший акцент на критике Линь Бяо. Так, слушателям курсов, программа для которых была разработана в пекинском институте «Цинхуа», предлагалось усвоить, что: 1. «Линь Бяо действовал по изречению Конфуция «владеть собой и действовать в соответствии с чжоускими установлениями» в его попытке реставрировать капитализм»; 2. «Он проповедовал теорию о гении, по которой человек якобы может «родиться мудрецом», — чтобы узурпировать руководство партией»; 3. «Рекламиривал идеалистическое понимание истории в том духе, что правители мудры, а простолюдины глупы»; 4. «Распространял понятия «дэ» (добродетель), «жэнь» (человеколюбие) и другие в целях нападок на диктатуру пролетариата»; 5. «Сбывал товар «держаться середины», выступая против философии марксизма — философии борьбы»; 6. «Согласно реакционному учению Конфуция и Мэн-цзы об обращении с людьми, сколачивал фракции для своих черных целей и занимался заговорщической деятельностью»; 7. «Расхваливал идеи эксплуататорских классов о том, что якобы «люди умственного труда господствуют, а люди физического труда подчиняются им», чтобы очернить кадровые школы имени 7 мая»; 8. «Заставлял своих детей преклоняться перед Конфуцием и читать канонические книги, тщетно пытаясь создать наследственную династию семьи Линь Бяо».

⁴¹ «Гуанмин жибао», 29.X.1973.

⁴² Там же.

Вовлечение широких народных масс в кампанию сопровождалось демагогическим заигрыванием с народом. В связи с этим стали цитироваться изречения Мао вроде «Низшие и малые — самые умные, высшие и почитаемые — самые глупые»⁴³. В связи с началом работы народных курсов с января 1974 г. под лозунгом «Рабочий класс — главная армия в критике Линь Бяо и Конфуция» политико-идеологическая кампания переносится на предприятия с применением форм, известных ранее по «культурной революции» (массовые митинги, вывешивание дацзыбао).

Взвесив ситуацию, Мао решил открыто возглавить кампанию. 2 февраля 1974 г. «Жэньминь жибао» поместила передовую статью «Довести до конца борьбу — критику Линь Бяо и Конфуция». В ней было открыто объявлено, что «критика Линь Бяо и Конфуция» развернута самим Мао и что председатель лично руководит ходом кампании. «Буржуазный карьерист, интриган, двурушник, предатель и изменник родины Линь Бяо, — говорилось в статье, — был стопроцентным поклонником Конфуция. Как и идущие к гибели реакционеры всех времен, он почитал Конфуция, выступал против легистов, обрушивался с нападками на императора Цинь Ши-хуана и использовал учение Конфуция — Мэн-цзы в качестве реакционного идейного оружия в своих темных попытках узурпировать руководство партией, захватить власть и реставрировать капитализм. Глубоко и основательно вскрыть ультраправую сущность контрреволюционной ревизионистской линии Линь Бяо можно, лишь подвергнув критике проповедуемое им учение Конфуция — Мэн-цзы... Все руководители должны идти в первых рядах борьбы, обсуждать и браться за критику Линь Бяо и Конфуция как за дело первостепенной важности»⁴⁴.

Тучи стали сгущаться над головой «прагматиков». Им необходимо было принимать какие-то меры. 24 февраля 1974 г. на официальном банкете, устроенном в Пекине президентом Замбии К. Каундой, Чжоу Энь-лай впервые публично высказал свое мнение об этой кампании. Он открыто похвалил критику Линь Бяо и Конфуция, назвав ее «кампанией, которая приобретает общенациональный размах» и которую китайский народ, «сражаясь в приподнятом и бодром настроении, полон решимости довести до конца». Своим выступлением перед иностранными дипломатами и журналистами Чжоу Энь-лай, как полагают, хотел подчеркнуть, что кампания не имеет к нему лично никакого отношения; более того, он вместе с Мао находится в числе тех, кто руководит ею. Это заявление вызвало обширные отклики на Западе. «То, что Чжоу Энь-лай первым из политических лидеров публично выразил свое отношение к кампании критики Конфуция, можно считать признаком того, что он стремится взять под контроль начатую кампанию по внушению идей. Он верит при этом в свою тактическую ловкость. Ультра в Шанхае пока еще сдерживаются; они пока еще лишь напоминают о прошлом, то есть предупреждают. Но в предупреждении уже скрывается вызов. Левое крыло в Китае бросило вызов прагматике Чжоу Энь-лаю»⁴⁵. Среди множества разноречивых мнений как о самой кампании, так и о судьбе Чжоу Энь-лая совсем не было слышно тогда голоса американских китаеведов. Дело в том, что правительство США сочло необходимым «особо проинструктировать на этот счет специалистов, предложив им замолчать».

Второй этап кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», начавшийся 2 февраля, продолжал развиваться, вовлекая в активное участие в ней все большее число граждан на самых различных уровнях и различных возрастов, включая школьников. Все решительнее звучали голоса «левых», призывавших к активным действиям. «В настоящее время

⁴³ «Гуанмин жибао», 9.I.1974.

⁴⁴ «Жэньминь жибао», 2.II.1974.

⁴⁵ «Frankfurter Allgemeine», 12.III.1974.

на плечах наших рабочих, крестьян и солдат лежит весьма тяжкое бремя критики Линь Бяо и Конфуция. Освободив идеологию от пут и покончив с суевериями, мы должны и впредь развивать пролетарский дух бесстрашия и, вооружившись марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэ-дуна, в пух и прах раскритиковать учение Конфуция и Мэн-цзы, чтобы оно походило на крысу, перебегающую улицу, когда каждый кричит: «Бей ее!». Широкие слои революционной интеллигенции должны соединиться с рабочими, крестьянами и активно вступить в бой»⁴⁶.

Помимо «врагов внутренних», организаторам кампании понадобились и враги внешние, дабы можно было сплотить массы на националистической почве, выдав Мао за выразителя интересов и защитника всего народа. Маоисты обратились к своей давней излюбленной теме — антисоветизму. Они полагали расширить рамки кампании. Еще в конце 1973 г. в «Хунци» в обычном духе писалось, что «советские ревизионисты... изо всех сил превозносят конфуцианскую школу, порочат легистов... целью чего является поддержка таких конфуциев в современном Китае, как Лю Шао-ци и Линь Бяо»⁴⁷. В 1974 г. антисоветская волна начала возрастать. Аргументы ее зачинщиков были все те же: в СССР умышленно восхваляют конфуцианцев и ругают легистов. «Все без исключения, начиная от тирана и душегуба Чан Кай-ши до национального предателя Ван Цзин-вэя, от изменника, провокатора и штрейкбрехера Лю Шао-ци до изменника и предателя родины Линь Бяо, почитали учение Конфуция — Мэн-цзы, а империалисты и социал-империалисты, поддерживающие этих реакционеров, также являются почитателями конфуцианства. Чем больше они загнивают, тем больше почитают конфуцианство. Таков закон классовой борьбы»⁴⁸. Статья Лян Сяо «О Шан Яне», перепечатанная газетой «Гуанмин жибао» из «Хунци», начинается и заканчивается грубыми антисоветскими выпадами. Советский Союз обвиняют в том, что якобы он в сговоре с «предателем родины Линь Бяо... нападает на легистов и Шан Яна с тем, чтобы ударить по социалистическому строительству... Советские ревизионисты нападают на Шан Яна, чтобы оклеветать наше великое государство диктатуры пролетариата»⁴⁹. Естественно, Лян Сяо не приводит ни одной ссылки на советские работы. Иначе китайский народ тотчас узнал бы правду и убедился в фальсификациях со стороны маоистов. В СССР издана серия трудов и о конфуцианстве, и о легизме, где дана марксистская оценка этих сложных социально-политических учений. В них критикуются реакционные концепции конфуцианства и в то же время отмечается наличие у ранних конфуцианцев некоторых рациональных идей⁵⁰. Как во всякой научной работе, высказываются разные точки зрения по отдельным концепциям. Что касается оценки легизма, который советские китаеведы всячески якобы принижают, то достаточно просто ознакомиться с нашими работами, в которых доказывается историческая прогрессивность легизма, его вклад в становление императорской системы и одновременно критикуются отдельные реакционные концепции легистов (оболванивание народа, апологетика войны и насилия), то есть такие концепции, которые поднимаются ныне на щит маоистами. В этом — все дело! Издание на русском языке основного легистского ка-

⁴⁶ Передовая статья «Вширь и вглубь развертывать критику Линь Бяо и Конфуция». «Хунци», 1974, № 2, стр. 6—7.

⁴⁷ Ши и Лунь. О почитании конфуцианцев и борьбе с легистами. «Хунци», 1973, № 10; «Гуанмин жибао», 7.X.1973.

⁴⁸ Ши и Чжун. Исторический опыт критики конфуцианства в период движения «4 мая». «Хунци», 1974, № 5, стр. 10.

⁴⁹ Лян Сяо. О Шан Яне. «Гуанмин жибао», 7.VI.1974; «Хунци», 1974, № 6.

⁵⁰ В. Г. Буров, М. Л. Титаренко. Философия древнего Китая. «Древнекитайская философия». М. 1972, стр. 33—40; В. А. Кривцов. Маоизм и конфуцианство. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3, стр. 73—87.

нона «Шан цзюнь шу»⁵¹ никак нельзя, конечно, охарактеризовать как «проявление нападков на Шан Яна». Очевидно, дело обстоит наоборот.

Нельзя обойти молчанием еще одну фальсификацию со стороны Лян Сяо, также имеющую антисоветскую направленность. Речь идет о его статье «Читая «Дискуссию о соли и железе» — большой полемике между легистами и конфуцианцами в середине периода Западной Хань» («Хунци», 1974, № 5). Предпримем небольшой исторический экскурс. В правление императора У-ди, в 119 г. до н. э. по настоянию сановника-легиста Сан Хун-яна в Китае была восстановлена государственная монополия на соль и железо, введенная еще при Цинь Ши-хуане. Эта реформа сыграла большую роль в усилении позиций императорской власти и укреплении ее экономического могущества. После смерти У-ди та часть господствующего класса, которая была связана с торговлей, усилила борьбу за отмену казенной монополии. По ее настоянию в 81 г. до н. э. при дворе императора Чжао-ди было создано совещание, на котором должны были обсуждаться вопросы экономической политики. В столицу западноханьской империи съехалось свыше 60 сановников и ученых, развернувших оживленную дискуссию. Эта полемика вошла в историю Китая под названием «Дискуссия о соли и железе» (так называлась книга Хуань Куаня, написанная в конце периода Западной Хань и содержавшая запись полемики). Конфуцианцы («знаток писаний» и другие) требовали отмены государственной монополии. Сторонники легистской школы Сан Хун-ян и другие настаивали на укреплении регулирующей роли государства в экономической жизни страны и сохранении в силе указа 119 года. Дискуссия шла в традиционном духе: спорившие аргументировали свои положения ссылками на примеры из древнейшей истории страны, часто обращаясь к положениям основателей конфуцианской и легистской школ. Длительная дискуссия окончилась победой сторонников Сан Хун-яна, который, между прочим, часто цитировал тексты вышеупомянутого «Шан цзюнь шу»; конфуцианцам не удалось добиться отмены монополии на соль и железо, была отменена лишь монополия на вино.

Посмотрим теперь, как освещается эта дискуссия спустя две тысячи лет в органе ЦК КПК «Хунци» и на что делается главный упор. «В истории нашей страны,— говорится в начале названной статьи,— борьба легистов и конфуцианцев всегда отличалась особенной остротой. Дискуссия о соли и железе, начатая в 81 г. до н. э. (это случилось на шестом году правления ханьского императора Чжао-ди, который наследовал У-ди), явилась большой полемикой, которую вели между собой легисты и конфуцианцы по вопросам политики, экономики, военным делам и культуре»⁵². Дискуссии придается характер кампании по всем кардинальным проблемам общественной жизни и управления, при этом главное внимание уделяется вопросам военной политики. Лян Сяо, осовременивая исторические события, рассматривает тогдашнюю полемику в плане борьбы двух линий, ставит на обсуждение «генеральную линию» императоров Цинь Ши-хуана и У-ди. Читателю, искушенному двухлетней кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция», нетрудно догадаться, что за этой линией символически кроется генеральная линия Мао Цзэ-дуна. «Фактическое значение борьбы, развернувшейся во время дискуссии о соли и железе,— пишет Лян Сяо,— заключалось в отстаивании или преобразовании политической линии ханьского императора У-ди на укрепление единого государства, усиление централизованной власти... Нападая на Цинь Ши-хуана и легистов, конфуцианцы

⁵¹ См. «Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу)». М. 1968.

⁵² Лян Сяо. Читая «Дискуссию о соли и железе» — большой полемике между легистами и конфуцианцами в середине периода Западной Хань. «Хунци», 1974, № 5, стр. 12—20.

стремились свалить Сан Хун-яна, преобразовать политическую линию ханьского императора У-ди»⁵³.

Особенное недовольство вызвали у автора статьи нападки конфуцианцев на внешнеполитическую линию У-ди по отношению к северным соседям — племенам сюнну. Лян Сяо обвиняет конфуцианцев в капитулянтстве, пораженчестве и нежелании воевать с сюнну. Конфликт между ханьским Китаем и сюнну изображается как противоречие между «рабовладельческой аристократией сюнну и большинством трудового народа Западной Хань»⁵⁴. Войны с сюнну характеризуются как только «справедливые войны, направленные против захватчиков»; император У-ди очерчен как жертва агрессии, стоявшая «на позициях оборонительной войны»; автор статьи прямо восхваляет У-ди за его войны с сюнну, которые, «алчно пуская слюни длиною в три чи (один чи равен 32 см.— Л. П.), зарились на Западную Хань, как на кусок отборного мяса»⁵⁵. Последняя часть фразы текстуально совпадает с той фразой из доклада Чжоу Эн-ляя на X съезде КПК, где он, клеветая на нашу внешнюю политику, приписывал СССР агрессивные устремления в отношении КНР⁵⁶. И снова для читателя, знакомого с материалами X съезда КПК, становится ясно, кто описан таким способом в образе сюнну. Замысел организаторов статьи четок: попытаться убедить китайский народ в «извечной угрозе с севера». Поэтому император У-ди (а он вообще один из любимых героев Мао) и выступает ныне в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» в качестве защитника интересов «трудового народа».

Если мы обратимся к историческим фактам, то увидим, что маоисты грубо фальсифицируют былые события. Император У-ди известен как один из активных проводников агрессивной внешней политики, претворявший в жизнь легистскую доктрину о благотворном влиянии войн на развитие страны. Именно в его правление (140—87 гг. до н. э.) китайские войска захватили земли не только северных, но также южных и восточных соседей. В 124—119 гг. они отторгли у сюнну обширный район на территории современной провинции Ганьсу. Особенно большое значение придавали ханьцы захваченному ими «коридору Хэси». Так назывались земли к западу от р. Хуанхэ, в северо-западной части современной Ганьсу. «Коридор Хэси» позволил отсечь сюнну от цян (тибетцев) и открыл китайцам путь на запад. В 111—110 гг. до н. э. армия У-ди захватила у народности юэ (предки вьетнамцев) Наньюэ (современные провинции Гуандун, Гуанси и север ДРВ) и Дуньюэ (южная часть современных провинций Чжэцзян и Фуцзянь). В 108 г. до н. э. китайские войска заняли корейское государство Чоасянь. В 102 г. до н. э. одна из армий У-ди вторглась на территорию Давани (современная Фергана).

Такова историческая правда об «оборонительных войнах» императора У-ди. В первые годы существования КНР китайские историки в целом правильно оценивали политику У-ди и социальную подоплеку его войн. «Победа в войне с сюнну,— писал, например, Шан Юэ,— способствовала росту честолюбивых захватнических замыслов ханьского императора У-ди. Алчный правящий класс поддерживал его экспансионистскую политику»⁵⁷. До маоистской переоценки исторических событий и деятелей в историографии КНР У-ди вообще никогда не выступал в образе «выразителя интересов трудового народа». Искажая исследования советских китаеведов и историю древнего Китая, маоисты

⁵³ Там же, стр. 12.

⁵⁴ Там же, стр. 16.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Чжоу Эн-ляй. Доклад на X съезде КПК 24.VIII.1973. «Хунци», 1973, № 9, стр. 13.

⁵⁷ Шан Юэ. Очерки истории Китая. М. 1959, стр. 82.

пытаются в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» придать антисоветизму некий извечно-неизбежный характер, чтобы удобнее было проводить политику сегодняшнего дня — милитаризацию страны и упрочение маоистского режима. Заметим, что на протяжении всей кампании (а она длится более двух лет) в КНР не появилось ни одной статьи, где бы подвергалось критике буржуазное китаеведение. А ведь именно буржуазные синологи, главным образом американские, сделали очень многое для чрезмерного восхваления конфуцианства и принижения легизма. Казалось бы, эти-то работы и следовало ныне критиковать в КНР. Но, по-видимому, критика буржуазных концепций не входит в планы организаторов кампании.

Летом 1974 г. кампания вступила в третий этап. 12—13 июня 1974 г. на ограде здания бывшего Международного клуба в Пекине и напротив центрального входа в пекинский ревком появились дацзыбао, в которых «руководящие товарищи из пекинского ревкома» подвергаются критике за то, что они «не углубляют кампанию критики Линь Бяо и Конфуция». Авторы дацзыбао (они подписаны шестью «представителями масс» из состава пекинского ревкома) спрашивают: «Почему не углубляется кампания критики в Пекине, почему она развивается с таким трудом?» — и отвечают, что до сих пор «имеются люди, которые полагают, что Линь Бяо и его сторонники мертвы; поэтому, по их мнению, не надо вести кампанию против них». Такого рода взгляды названы «абсолютно ошибочными». На каждой из дацзыбао были вывешены таблички, на которых написано следующее: «1. Посмотрите, как руководящие товарищи из пекинского ревкома отрицают великие завоевания пролетарской культурной революции и социалистическую новь; 2. Посмотрите, как они противодействуют, подрывают новые установки партии и положения из доклада товарища Ван Хун-вэня, как зажимают критику; 3. Как они относятся к ряду важных указаний Мао Цзэ-дуна периода культурной революции; 4. Как они занимаются двурушничеством и интриганством в ходе кампании критики Линь Бяо и Конфуция; 5. Как они занимаются повторением того, чем занимались Лю Шао-ци и Пэн Чжэнь; 6. Как они рассматривают «образец» [в качестве примера их отступления от «образцов» дана критика оперы «Трижды в Таофэн»]⁵⁸; 7. Как они игнорируют диалектику, принижают классовую борьбу, отрицают критику Линь Бяо и Конфуция, преклоняются перед конфуцианским учением и выступают против легистов; 8. Как они отрицают пролетарскую культурную революцию и занимаются реставрацией и отступлением».

Волна дацзыбао с критикой руководства ряда провинциальных ревкомов распространилась по всей КНР. Обсуждались действия члена Политбюро ЦК КПК, первого секретаря парткома провинции Хунань Хуа Го-фэна, а также заместителя председателя ревкома этой провинции Ян Да-и. По словам западных дипломатов, возвратившихся из поездки по Северо-Восточному Китаю, в дацзыбао, расклеенных в Харбине, выражалось недовольство действиями Ван Цзя-дао, первого секретаря парткома провинции Хэйлунцзян и командующего военным округом этой провинции. После декабрьского (1973 г.) перемещения восьми командующих округами (всего их — 11) остались незатронутыми лишь трое. Летом 1974 г. над двумя из них, Хуа Го-фэном и Ван Цзя-дао, тоже стали, как видим, сгущаться тучи.

Осень 1974 г. можно считать завершением того третьего этапа кам-

⁵⁸ «Трижды в Таофэн» — название оперы, поставленной впервые в провинции Шэньси после окончания «культурной революции». Сюжет ее незамысловат: секретарь парткома одной сельской коммуны трижды поднимался в горы в коммуну Таофэн, прося прощения за то, что в свое время продал коммуне бракованную лошадь. В опере иносказательно критиковались организаторы «культурной революции», подсунувшие народу «бракованную лошадь».

пании, когда шло усиление «левых». Затем «прагматикам» и их сторонникам в армии⁵⁹ удалось несколько умерить пыл «левых»; были убраны с людных мест дацзыбао; исчезли со страниц печати такие лозунги, как «бунт — дело правое»; стало меньше появляться призывов к насилию. Ныне в китайской печати все чаще раздаются призывы к сплочению и единству. В этом отношении характерна передовая статья редакций «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефан цзюньбао» — «Вперед по пути социализма!», опубликованная по случаю 25-й годовщины КНР. В ней говорится, в частности, о необходимости сплочения «всей партии, всей армии и всего народа», «сплочения свыше 95% кадровых работников и масс»⁶⁰. На маоистском языке это означает сплочение под эгидой Мао и беспрекословное подчинение «великому кормчему». Однако самый накал внутренней борьбы в КНР и длительность кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», в ходе которой все время происходят перестановки в высшем руководстве КНР, прямо свидетельствуют о нестабильности положения, что лишний раз подчеркивает хронический кризис маоистского режима⁶¹.

⁵⁹ В январе 1975 г. Хуа Го-фэн был назначен министром общественной безопасности и заместителем премьера Госсовета КНР.

⁶⁰ «Хунци», 1974, № 10, стр. 7.

⁶¹ В общей передовой статье «Слово к Новому году» («Жэньминь жибао», «Хунци», «Цзефан цзюньбао», 31.XII.1974), где перечисляются основные задачи на 1975 г., кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» по-прежнему ставится в центр внимания: «В Новом году мы должны неуклонно придерживаться основной линии партии, вширь, вглубь и неустанно развертывая движение за критику Линь Бяо и Конфуция».